

ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД И МЕДИАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В ОБРАЗОВАНИИ И СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ |
RESTORATIVE APPROACH AND MEDIATION TECHNOLOGIES
IN EDUCATION AND IN THE SYSTEM OF PREVENTION OF SOCIAL RISKS

Судебная примирительная процедура в системе защиты гражданских прав

Михайлова Е.В.

Институт государства и права Российской академии наук (ИГП РАН), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0313-3813>, e-mail: e.v.mihailova@bk.ru

Статья посвящена исследованию правовой природы судебной примирительной процедуры как средства правовой защиты. Российское законодательство не определяет место примирительных процедур в системе защиты прав и законных интересов. Несмотря на активную законодательную деятельность по введению в правоприменение различных форм примирения, они по большей части остаются невостребованными обществом. В отличие от всех прочих форм урегулирования правовых конфликтов, судебное примирение регламентировано нормами процессуального законодательства, что делает его институтом публичного права и разновидностью государственной деятельности. Но для его успешной интеграции в систему правовой защиты необходима теоретическая разработка этого института. Показаны отличия судебного примирения от иных форм урегулирования правовых конфликтов. Институт судебного примирения предлагается называть «суррогатом судебного разбирательства». Предлагается также установить специальное требование к судебным примирителям: наличие у них специального дополнительного образования в области психологических наук.

Ключевые слова: правосудие, судопроизводство, процессуальная форма защиты, внесудебное примирение, судебное примирение, судебная примирительная процедура, мировое соглашение.

Для цитаты: Михайлова Е.В. Судебная примирительная процедура в системе защиты гражданских прав [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 239–248. DOI: [10.17759/psylaw.2022120217](https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120217)

Conciliation Procedure in the Russian System of Protection of Civil Rights

Ekaterina V. Mikhailova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0313-3813>, e-mail: e.v.mihailova@bk.ru

The article is devoted to the study of the legal nature of judicial conciliation procedure as a means of legal protection. Russian legislation does not determine the place of conciliation procedures in the system of protection of rights and legitimate interests. Despite the active legislative activity on the introduction of various forms of reconciliation into law enforcement, for the most part they remain unclaimed by the society. Unlike all other forms of settlement of legal conflicts, judicial conciliation is regulated by the norms of procedural legislation, which makes it an institution of public law and a kind of state activity. But for its successful integration into the system of legal protection, theoretical development of this institution is necessary. The differences between judicial conciliation and other forms of settlement of legal conflicts are shown. The institute of judicial conciliation is proposed to be called “a surrogate of judicial proceedings”. It is also proposed to establish a special requirement for judicial conciliators: they must have a higher education in the field of psychological sciences.

Keywords: justice, legal proceedings, procedural form of protection, extrajudicial conciliation, judicial conciliation, judicial conciliation procedure, amicable agreement.

For citation: Mikhailova E.V. Conciliation Procedure in the Russian System of Protection of Civil Rights. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 239–248. DOI:10.17759/psylaw.2022120217 (In Russ.).

Введение

Правовой конфликт — это социальное явление, которое находится на стыке психологии и права. С одной стороны, любой правовой конфликт — явление социальное; с другой стороны, не любой социальный конфликт является правовым — необходимо, чтобы он возник и развивался в области общественных отношений, регулируемых правом. Поэтому природа правового конфликта напрямую связана с природой того правоотношения, из которого он возник.

Правовые конфликты не единожды становились предметом серьезных научных исследований, как представителей юридической науки, так и виднейших ученых в области психологии и социологии. Например, Т.Н. Сафронова считает, что одним из основных признаков правового конфликта выступает активное действие, под которым следует понимать различные поведенческие реакции, включая вербальные [11]. Это — важное обстоятельство, подтверждающее, что посредник, призванный урегулировать конфликт, должен быть не только специалистом в области права, но и обладать знаниями психологии.

Понимание того, что правовой конфликт в своей основе возникает и развивается по законам психологии, привело к появлению в отечественном законодательстве такого института, как «урегулирование спора». Частными случаями урегулирования выступают медиация (привлечение в дело «профессионального» примирителя), онлайн-урегулирование спора (в котором в роли примирителя выступает специальная цифровая платформа) и т. д.

Следует высоко оценить инициативы высших судебных инстанций и законодательной власти в области внедрения в систему государственной защиты нарушенных или оспоренных прав различных примирительных процедур.

Во-первых, в сферу гражданской юрисдикции был введен институт медиации. За данным термином скрывается внесудебная процедура переговоров сторон, в которую они по взаимному согласию привлекают третье, независимое и незаинтересованное в конфликте лицо — медиатора. От «обычного» посредника медиатор отличается в основном тем, что проходит

специальную подготовку — в том числе и в области психологии. Однако подчеркну, что получаемые им психологические познания носят фрагментарный характер в силу краткосрочности соответствующих курсов. Требование о наличии у медиаторов высшего юридического образования вовсе отсутствует в действующем законодательстве.

Так или иначе, внесудебная медиация не была востребована российским обществом в полном объеме. Причиной видится то, что результатом медиации является обычное гражданско-правовое соглашение, не подкрепленное возможностью его принудительного исполнения (в отличие, например, от решений третейских судов).

Вторым важным шагом законодателя стало закрепление обязательного досудебного (претензионного) порядка урегулирования отдельных категорий гражданских дел. Здесь важно отметить, что отсутствие у сторон правового конфликта намерения к примирению на практике приводит к формализации процесса досудебного урегулирования спора: одна сторона (истец) направляет в адрес второй стороны (ответчика) формальное предписание о необходимости исполнить взятые на себя обязательства и при неполучении ответа в установленный срок обращается в суд.

В 2019 г. в законодательство, регулирующее гражданское и арбитражное судопроизводство, были включены нормы, предусматривающие возможность проведения процедуры судебного примирения спорящих сторон. Для того чтобы эта процедура была успешно интегрирована не только в процессуальное законодательство, но и в судебную практику, необходимо понимание ее природы, правовых свойств заключаемых ее участниками соглашений. Кроме того, функции судебного примирителя не должны дублировать функции суда, рассматривающего дело по существу: у него совершенно другая задача — не определить «правых и виноватых», а урегулировать конфликт в интересах обеих спорящих сторон. Поэтому судебный примиритель должен, помимо юридического образования и опыта работы в судебной сфере, обладать и специальными познаниями в области психологии и конфликтологии.

Исследование проблемы

Судебная защита нарушенных прав — это основной способ реализации нарушенного права в условиях правового конфликта. Основная масса правовых споров в России разрешается именно в судебном порядке. Практика убедительно показывает, что больше всего обладатели нарушенных прав доверяют именно государственному суду.

Как писал Е.В. Васьковский, «...суд является опорой правового порядка; он проводит законы в жизнь; он восстанавливает нарушенные права и карает нарушителей; благодаря ему граждане могут спокойно пользоваться своим имуществом и плодами своих трудов» [2].

При этом судебная защита нарушенного или оспоренного права — не единственная возможность для его обладателя добиться «правды».

Еще ученые дореволюционного периода выделяли несколько способов защиты права. Так, А.Х. Гольмстен писал: «Благодаря тому, что гражданские права суть средства для удовлетворения различных индивидуальных, частных интересов, государство вовсе не заинтересовано в том, чтобы споры об этих правах были непременно разбираемые коронным судом; если стороны более доверяют частному лицу, чем коронному судье, то им должно быть дано право входить между собою в соглашение, по силе коего данный спор их должен быть разрешен избранным ими посредником, хотя бы спор находился уже на рассмотрении государственного суда. Посредник этот называется третейским судьей, соглашение же сторон между собою и между ними и посредником — третейским договором или записью» [3].

Отечественная система защиты нарушенных или оспоренных прав, свобод и законных интересов включает в себя деятельность только государственных и третейских судов по рассмотрению и разрешению отнесенных к их ведению дел. В этой системе вплоть до настоящего времени не нашлось места такому правовому явлению, как урегулирование спора. Гражданский кодекс Российской Федерации не называет примирительные процедуры в числе средств защиты нарушенных прав и законных интересов. Равным образом к числу субъектов, осуществляющих защиту гражданских прав и законных интересов, не отнесены посредники и медиаторы.

Однако государство в последнее время уделяет повышенное внимание различным формам правового примирения. Это происходит в условиях колоссальной нагрузки на судебную систему; становится очевидно, что необходимо часть правовых конфликтов переводить в сферу урегулирования. При этом нельзя «сбросить со счетов» и то обстоятельство, что больше всего наши сограждане доверяют именно судебной власти.

Поэтому система государственной (судебной) защиты нарушенных прав обогатилась новыми элементами. Помимо введения обязательного досудебного (претензионного) урегулирования споров, наибольшее влияние на нее оказало введение в судопроизводство судебной примирительной процедуры.

Таким образом, государственный суд с этого момента выступает в новой для себя «роли» — роли профессионального посредника в урегулировании правовых конфликтов. А государство, в свою очередь, стало не просто и не только «верховным регулятором», но пособником мира и поддержания общественного спокойствия.

При этом сравнение медиаторов и судебных примирителей является теоретически и практически неверным: в отличие от медиации, судебное примирение осуществляется в соответствии с нормами процессуального законодательства, а судебным примирителем является судья в отставке. Следует сразу отметить, что закон не предъявляет в настоящее время никаких дополнительных требований к судебным примирителям (например, не требуется обучение по программам подготовки медиаторов).

Деятельность государственных судов по рассмотрению и разрешению отнесенных к их ведению дел по правилам соответствующей процессуальной формы называется правосудием. Поэтому все действия, которые совершаются судом и участниками судопроизводства, должны отвечать признакам и свойствам правосудия. Под это требование подпадает и институт судебного примирения.

При этом понятия правосудия в законодательстве не закреплено. По справедливому замечанию В.М. Шерстюка, «...в Конституции РФ нет норм, определяющих содержание и сущность правосудия» [15].

Поэтому в науке выработан ряд подходов к определению понятия правосудия. Так, Ю.А. Попова отмечала, что правосудие характеризуется, в частности, признаком осуществления его только судом и в рамках соответствующей процессуальной формы [9]. Н.А. Колоколов подчеркнул, что правосудие во всех его формах осуществляется исключительно в рамках публично-правовых, властных отношений [6]. Это отметила и Л.А. Прокудина [10].

Процессуалисты советского периода подчеркивали, что регулируемая законом деятельность суда, осуществляющего правосудие, гарантирует соблюдение законности, прав и интересов лиц, участвующих в деле, установление истины по каждому делу и в итоге — выполнение задач судопроизводства [7].

Итак, все правоотношения, регулируемые процессуальным законодательством, есть публично-правовые отношения, связанные с отправлением правосудия. Это касается и института

судебного примирения. Поэтому судебная примирительная процедура, в отличие от медиации и иных форм внесудебного примирения, — это одна из форм отправления правосудия.

В юридической литературе категории «мировое соглашение» и «судебное примирение» часто рассматривают как тождественные, что неверно. Мировое соглашение — это возможный результат примирения. Как верно отмечают авторы, в действующем законодательстве отсутствует определение понятия мирового соглашения [13]. Но еще по Уставу гражданского судопроизводства 1864 г. мировое соглашение рассматривалось как двусторонняя сделка, заключаемая сторонами в установленной законом форме [8]. Так, Р.Е. Гукасян мировое соглашение понимал в качестве одного из способов регулирования общественных отношений [4]. В дореволюционный период под мировым соглашением ученые также понимали гражданско-правовое соглашение, которое может быть заключено спорящими сторонами как вне судебного процесса, так и в его рамках. «Мировая сделка есть договор, в силу которого истец и ответчик соглашаются прекратить существующий между ними спор», — писал великий русский процессуалист А.Х. Гольмстен [3]. Е.В. Васьковский называл мировое соглашение, наряду с решением третейского суда, «...суррогатом судебного решения» и отмечал, что «мировая сделка создает между тяжущимися новое договорное отношение, к которому применяются все правила относительно договоров» [1].

Само примирение может завершиться заключением сторонами правового конфликта мирового соглашения, а может остаться безрезультатным. Но даже если примирительная процедура не привела стороны правового конфликта к заключению мирового соглашения, она не утрачивает своего правового значения, влечет определенные правовые последствия (например, свидетельствует о соблюдении или несоблюдении истцом досудебного (претензионного) порядка). Поэтому примирительная процедура — это самостоятельное психолого-правовое понятие, требующее глубокой научной проработки.

Итак, в настоящее время мировое соглашение может быть результатом как внесудебного примирения, так и судебной примирительной процедуры. Это не может не оказывать влияния на его природу. Заключенное во внесудебном порядке соглашение является актом частного права. Трудно согласиться с тем, что «...из первоначально альтернативной правосудию системы способов и порядков внесудебные процедуры переходят в систему способов и порядков, конкурирующих с судопроизводством» [12]. Поскольку результаты внесудебного примирения не обеспечены возможностью принудительного исполнения, они не могут претендовать на роль самостоятельного средства защиты права.

Одной из основных теоретических проблем, связанных с понятием судебного примирения, является вопрос о том, возникают ли между участниками судебной примирительной процедуры и судебным примирителем гражданско-процессуальные правоотношения.

Большинство процессуалистов гражданско-процессуальные правоотношения определяют как публично-правовые, властные, «вертикальные» отношения. Н.А. Чечина, например, указывала на то, что «...процессуальные правоотношения являются властеотношениями, так как их субъекты находятся в отношениях власти и подчинения» [14].

Если бы судебную примирительную процедуру реализовывал суд, рассматривающий дело по существу, ее можно было бы уверенно рассматривать как часть гражданского и арбитражного судопроизводства.

Однако судебное примирение осуществляет не тот судья, который рассматривает дело, а судебный примиритель, в качестве которого выступает судья в отставке. Кроме того, судебный примиритель не является участником судебного разбирательства и не вправе совершать действия, влекущие за собой возникновение, изменение либо прекращение прав или обязан-

ностей лиц, участвующих в деле, и других участников арбитражного и гражданского процесса. Тем самым законодатель прямо «выводит» судебную примирительную процедуру из судебного рассмотрения и разрешения дела. Однако при этом процедура судебного примирения прямо закреплена в нормах гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства, поэтому неизбежно является частью судопроизводства в целом.

Правовой статус судебного примирителя (от которого зависит природа правоотношений по судебному примирению) на настоящий момент не определен ни законодательно, ни на уровне руководящих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации.

Судебным примирителем является судья, пребывающий в отставке и включенный в список судебных примирителей, который утверждается Пленумом Верховного Суда Российской Федерации. В этой связи возникают вопросы: «Каково правовое положение указанных лиц?», «Являются ли они работниками соответствующего арбитражного суда или выступают в той же роли, в какой действуют, например, помощники судей?»

Прототип судебной примирительной процедуры существовал еще в дореволюционном законодательстве. Так, Е.В. Васьковский писал, что «...тяжущиеся могут просить, чтобы суд принял меры к соглашению их и сделал это при закрытых дверях» [2].

Как видно, судебное примирение в то время проводил судья, рассматривающий дело и его правовой статус был вполне определен. Судья обладает публично-властными полномочиями, действует от имени государства, его указания и распоряжения носят императивный характер, а попытки оказания какого-либо воздействия на него являются незаконными.

Однако в современный период судебные примирительные процедуры организуют и проводят судьи в отставке, выполняющие функции «примирителей», т. е. посредников.

Строго говоря, они не обладают статусом действующего судьи, а следовательно, не имеют публичных полномочий. Как отмечают некоторые авторы, судья в отставке является гражданином, не имеющим никакого отношения к исполнению полномочий по государственной должности судьи, не обладающим вообще какими бы то ни было властными полномочиями [5].

Можно прийти к выводу, что судебное примирение — это некая «дополнительная» функция государственного суда. Следовательно, оно не охватывается понятием правосудия. Коллизия заключается в том, что при этом институт судебного примирения урегулирован нормами процессуального права, а значит, он выступает составной частью судопроизводства. Поэтому судебное примирение нельзя «вывести» из-под рамок цивилистической процессуальной формы. Представляется, что по аналогии с дореволюционными авторами, судебную примирительную процедуру можно назвать «суррогатом судебного разбирательства».

Характер правоотношений, связывающих судебного примирителя и участников правового конфликта, сложно определить однозначно.

С одной стороны, можно предположить, что судьи в отставке на время проведения судебной примирительной процедуры наделяются властными полномочиями. С другой стороны, задача судебного примирителя особая — не разрешить спор, а урегулировать его, поэтому его роль второстепенна, а на первый план выходят намерения и воля сторон.

Выводы

Судебное примирение не является альтернативой государственному судопроизводству, а выступает его составной частью. Будучи «суррогатом» судебного разбирательства, судебная примирительная процедура должна обладать чертами правосудия, а ее результатом может

выступать мировое соглашение, которые дореволюционные ученые именовали «суррогатом судебного решения».

Действующее процессуальное законодательство нуждается в серьезном совершенствовании: необходимо закрепить правовой статус судебного примирителя (его права и обязанности, а также мера ответственности в настоящее время регулируются «Регламентом судебного примирения») и характеризуются отсутствием четкости).

Судебная примирительная процедура, несомненно, часть арбитражного и гражданского судопроизводства, и реализуется она в рамках отправления правосудия, а значит, от имени государства. В этом принципиальное отличие судебной примирительной процедуры от всех прочих форм примирения, в частности, медиации. Судебный примиритель, в силу его «закрепления» за конкретным арбитражным судом или судом общей юрисдикции, должен наделяться определенными полномочиями, связанными с организацией и проведением судебного примирения, и нести ответственность за их реализацию.

Следует обратить внимание еще на один аспект рассматриваемого вопроса. В порядке арбитражного судопроизводства рассматриваются и разрешаются как частноправовые, так и публично-правовые конфликты. Как уже было отмечено, природа правового конфликта определяется природой того правоотношения, из которого он возник. Однако урегулирование применимо лишь в отношении частноправовых дел, основанных на равенстве спорящих субъектов. Действующее арбитражное процессуальное законодательство допускает заключение мировых соглашений по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, но при этом урегулирование возможно лишь в той части требований, которые распространяются на одно конкретное лицо. Недопустимо, например, заключение мировых соглашений, отменяющих или изменяющих санкцию правовой нормы (нагляднее всего это демонстрируют дела, возникающие из налоговых правоотношений). Это правило в полной мере относится и к судебному примирению; и еще одной из ближайших задач законодателя видится внесение соответствующих дополнений в процессуальное законодательство, регламентирующих условия и порядок применения института судебного примирения к делам публично-правового характера.

В действующем процессуальном законодательстве не определена природа соглашения о примирении, заключенного в результате применения судебной примирительной процедуры. Безусловно, в случае утверждения его судом, рассматривающим дело, оно приобретает статус мирового соглашения. Однако какова его «судьба» в случае, если стороны не представят его суду для утверждения? Является ли оно в таком случае «обычным» актом частного права, несмотря на то, что было заключено в рамках судебной примирительной процедуры? Если ответить на этот вопрос утвердительно, мы сведем часть судопроизводственной деятельности, каковой является судебное примирение, к частноправовому результату, что принципиально недопустимо и противоречит теоретическим основам цивилистического процесса.

Представляется также, что судебные примирители для успешной реализации возложенных на них функций должны обладать специальными познаниями в области психологии, конфликтологии. При этом эти соответствующие знания должны быть академическими, формального окончания каких-либо краткосрочных курсов судебному примирителю явно недостаточно.

Литература

1. Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. Вып. 1. Введение и общая часть. СПб: Издание книжного магазина Н.К. Мартынова, 1894. 174 с.
2. Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М.: Зерцало, 2003. 464 с.
3. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд., испр. и доп. СПб: Типография М. Меркушева, 1913. 429 с.
4. Гукасян Р.Е. Избранные труды по гражданскому процессу. М.: Проспект, 2008. 480 с.
5. Ермошин Г.Т. Судья в отставке: статус, права, обязанности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 4. С. 87–97.
6. Колоколов Н.А. Формирование судебной власти в самоопределившихся государствах: основы управления генезисом и эволюцией // Защита прав в России и других странах Совета Европы: современное состояние и проблемы гармонизации: Сборник научных статей. Краснодар; СПб: Юридический центр Пресс, 2011. 805 с.
7. Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР / Под ред. Р.Ф. Каллистратовой, Л.Ф. Лесницкой, В.К. Пучинского. М.: Юрид. лит., 1976. 600 с.
8. Николайченко О.В. Сущность мирового соглашения в разрешении гражданско-правовых споров // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 2 (115). С. 135–139.
9. Попова Ю.А. Правосудие — основная функция судебной власти // Защита прав в России и других странах Совета Европы: современное состояние и проблемы гармонизации: Сборник научных статей. Краснодар; СПб: Юридический центр Пресс, 2011. 805 с.
10. Прокудина Л.А. Защита экономических прав организаций и граждан арбитражными судами (вопросы профессионализации судопроизводства) // Защита прав в России и других странах Совета Европы: современное состояние и проблемы гармонизации: Сборник научных статей. Краснодар; СПб: Юридический центр Пресс, 2011. 805 с.
11. Сафронова Т.Н. Понимание конфликта с точки зрения психологии и права [Электронный ресурс] // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1. С. 334–342. doi:10.17308/vsu.proc.law.2021.1/3317
12. Фильченко Д.Г. Об отдельных последствиях стимулирования субъектов спорных отношений к использованию внесудебных процедур урегулирования или разрешения споров // Возникновение гражданских и семейных прав и их защита: традиционные и новые подходы: Сборник научных трудов / Отв. ред. С.С. Занковский. М.: Институт государства и права РАН; ООО «Издательство Планета», 2021. 352 с.
13. Худойкина Т.В., Синдянкина Е.О. Практика применения мирового соглашения // European science. 2015. № 3 (4). С. 73–75.
14. Чечина Н.А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. 656 с.
15. Шерстюк В.М. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. М.: Издательский Дом «Городец», 2021. 400 с.

References

1. Vas'kovskii E.V. Uchebnik grazhdanskogo prava. Vypusk 1. Vvedenie i obshchaya chast'. Saint Petersburg: Izdanie knizhnogo magazina N.K. Martynova, 1894. 174 p. (In Russ.).
2. Vas'kovskii E.V. Uchebnik grazhdanskogo protsessa. Moscow: Zertsalo, 2003. 464 p. (In Russ.).

3. Gol'msten A.Kh. Uchebnik russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva. 5th ed. Saint Petersburg: Tipografiya M. Merkusheva, 1913. 429 p. (In Russ.).
4. Gukasyan R.E. Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu. Moscow: Prospekt, 2008. 480 p. (In Russ.).
5. Ermoshin G.T. Sud'ya v otstavke: status, prava, obyazannosti [Judge in retirement: status, rights, duties]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2012, no. 4, pp. 87–97. (In Russ.).
6. Kolokolov N.A. Formirovaniye sudebnoi vlasti v samoopredelivshikhsya gosudarstvakh: osnovy upravleniya genezisom i evolyutsiei. *Zashchita prav v Rossii i drugikh stranakh Soveta Evropy: sovremennoe sostoyanie i problemy garmonizatsii: Sbornik. nauchnykh statei*. Krasnodar; Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2011. 805 p. (In Russ.).
7. Kallistratova R.F., Lesnitskaya L.F., Puchinsky V.K. (eds.). Nauchno-prakticheskii kommentarii k Grazhdansko-protsessual'nomu kodeksu RSFSR. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1976. 600 p. (In Russ.).
8. Nikolaichenko O.V. Sushchnost' mirovogo soglasheniya v razreshenii grazhdansko-pravovykh sporov [The essence of the settlement agreement in the resolution of civil disputes]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*, 2017, no. 2 (115), pp. 135–139. (In Russ.).
9. Popova Yu.A. Pravosudie — osnovnaya funktsiya sudebnoi vlasti. *Zashchita prav v Rossii i drugikh stranakh Soveta Evropy: sovremennoe sostoyanie i problemy garmonizatsii: Sbornik. nauchnykh statei*. Krasnodar; Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2011. 805 p. (In Russ.).
10. Prokudina L.A. Zashchita ekonomicheskikh prav organizatsii i grazhdan arbitrazhnymi sudami (voprosy professionalizatsii sudoproizvodstva). *Zashchita prav v Rossii i drugikh stranakh Soveta Evropy: sovremennoe sostoyanie i problemy garmonizatsii: Sbornik. nauchnykh statei*. Krasnodar; Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2011. 805 p. (In Russ.).
11. Safronova T.N. Ponimanie konflikta s tochki zreniya psikhologii i prava [Understanding conflict in terms of psychology and law]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2021, no. 1, pp. 334–342. doi:10.17308/vsu.proc.law.2021.1/3317 (In Russ.).
12. Filchenko D.G. Ob otdel'nykh posledstviyakh stimulirovaniya sub'ektov spornykh otnoshenii k ispol'zovaniyu vnesudebnykh protsedur uregulirovaniya ili razresheniya sporov. In Zankovsky S.S. (ed.). *Vozniknovenie grazhdanskikh i semeinykh prav i ikh zashchita: traditsionnye i novye podkhody: Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow: Institut gosudarstva i prava RAN Publ., OOO "Izdatel'stvo Planeta", 2021. 352 p. (In Russ.).
13. Khudoikina T.V., Sindyankina E.O. Praktika primeneniya mirovogo soglasheniya [The practice of the settlement agreement]. *European science*, 2015, no. 3 (4), pp. 73–75. (In Russ.).
14. Chechina N.A. Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu. Saint Petersburg: Izdatel'skii Dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2004. 656 p. (In Russ.).
15. Sherstyuk V.M. Teoreticheskie problemy razvitiya grazhdanskogo protsessual'nogo, arbitrazhnogo protsessual'nogo prava i ispolnitel'nogo proizvodstva v Rossiiskoi Federatsii. Moscow: Izdatel'skii Dom "Gorodets", 2021. 400 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Михайлова Екатерина Владимировна, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, сектор процессуального права, Институт государства и права Российской акаде-

Михайлова Е.В.

Судебная примирительная процедура
в системе защиты гражданских прав
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 239–248.

Mikhailova E.V.

Conciliation Procedure in the Russian System
of Protection of Civil Rights
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 239–248.

мии наук (ИГП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0313-3813>, e-mail: e.v.mihailova@bk.ru

Information about the authors

Ekaterina V. Mikhailova, Doctor of Law, Docent, Leading Researcher, Department of Procedural Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0313-3813>, e-mail: e.v.mihailova@bk.ru

Получена 28.12.2021

Принята в печать 28.03.2022

Received 28.12.2021

Accepted 28.03.2022